

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ SCIENTIFIC REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-2302-2018-22-4-499-508

ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ГЕРМАН КОГЕН В ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ»*

В.Н. Белов, В.Б. Петров, А.В. Лебедева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

2018 год — знаковый год для исследователей неокантианства в целом и творчества Германа Когена в частности. Ровно сто лет назад умер основатель марбургской школы неокантианства. Поэтому в течение этого года в различных городах и странах проходят научные мероприятия, приуроченные к данному событию. В частности, уже состоялись конференции в Грайфсвальде (3—5 апреля), в Иерусалиме (7—8 мая), была выделена специальная секция на конференции в Санкт-Петербурге (29—31 мая) и запланирована большая конференция во Франкфурте (28—31 октября).

Российский университет дружбы народов в сотрудничестве с Академией Канта Балтийского федерального университета имени И. Канта 4—5 июня также организовал и провел международную научную конференцию «Герман Коген в истории русской философии».

Хорошо известно, что глава марбургской школы неокантианства Герман Коген — знаковая фигура для истории русской философии. И в то же самое время — загадочная. Все, кто обращается к анализу роли этого немецкого мыслителя в истории русской философии конца XIX — начала XX веков, сталкиваются с парадоксальной, казалось бы, ситуацией. Несмотря на огромный авторитет среди русских философов, особенно молодых, которые ежегодно, начиная с 1895 года, пополняли студенческую аудиторию марбургского мэтра, а некоторые начинали под его руководством путь к научным высотам защитами диссертационных работ (О. Бук, Д. Гавронский, Н. Гартман, С. Рубинштейн и др.), действительно продуктивного исследования творчества Германа Когена в России дореволюционного периода не состоялось.

Работу первого дня конференции открыл доклад **Дворкина И.С. (Иерусалим, Еврейский университет) «Истоки философии диалога в учении Г. Когена»**, где проводится мысль о том, что именно Коген является родоначальником современной версии философии диалога.

* Статья написана при финансовой поддержке инициативного гранта «Наука и миф».

В докладе И. Дворкин стремился обосновать два тезиса. Первое, что философия, которой принадлежит будущее, — это философия диалога. Второе, что важнейшие основания философии диалога содержатся в учении Германа Когена. Причем под философией диалога он понимает не экзистенциалистское подчеркивание значимости межличностных отношений и не гуманитарное исследование межличностной природы литературного текста, а фундаментальное направление в философии, своего рода новую «первую философию», которая понимает мир как предмет творческих межличностных отношений.

По мнению автора доклада, философия Когена формирует совершенно новый взгляд на человека, рассматривая его не как отделенную индивидуальность, а реляционно, как сочетание личности с межличностным взаимодействием. Коген понимает человека как Со-Человека, человека вместе с его ближним (Mitmensch). Такая постановка вопроса позволяет заново отнестись к вызовам марксистской и ницшеанской философии. Проблема личности рассматривается в контексте отношений Я—Ты, Я—Мы. В этом же плане рассматриваются отношения человека к миру и Богу.

Эти концепции были развиты или заново сформулированы рядом мыслителей 20-го века и стали основой для философии диалога как оригинального философского направления. Развитие этих идей Дворкин затем проследил также у Ф. Розенцвейга, М. Бубера, М. Кагана, М. Бахтина, В. Библера.

В итоге автор доклада сделал вывод о том, что философия Германа Когена принадлежит как бы двум эпохам, как продолжение кантовской философии она представляет собой систему критического идеализма, вносящую ряд важных поправок в кантовское учение. Но, одновременно, философия Когена становится основой совершенно новых подходов, которые развиваются в философии 20-го века, и как мы надеемся, сыграют центральную роль в философии века двадцать первого.

Обсуждение проблемы отношения в философии Г. Когена было продолжено в докладе **Сокулер З.А. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова) «Корреляция как особый тип отношения в религиозной философии Г. Когена и проблема ритуала в религии разума»**, автора монографии «Герман Коген и философия диалога» (М., 2008). Она подчеркнула тот момент, что Герман Коген неизменно выступал критиком Гегеля, Шеллинга и их последователей. В самой поздней своей работе «Религия разума из источников иудаизма» он атакует их под наименованиями пантеизма и романтизма. Для него неприемлемы учения, ведущие к растворению Бога в мире или к растворению человека в Боге либо к обожествлению человека.

Коген противопоставляет диалектической идее «снятия» противоположностей и превращения любой друговости в «свое иное» особого рода отношение, которое он называет «корреляция». Речь идет прежде всего о корреляции «человек — Бог», которая, согласно Когену, требует корреляции «человек — человек».

З. Сокулер обратила внимание на то, что корреляция в понимании марбургского неокантианца — это такое отношение, члены которого сущностно определяются названным отношением, при том что различие между ними не только

не устраняется, но напротив, предохраняется этим отношением. В то же время в корреляции оба члена должны быть активно вовлеченными. Ни одна сторона не должна, так сказать, полностью перехватить всю инициативу. Именно в корреляции Бога и человека раскрывается, согласно когеновской религии разума, понятие Бога. В силу корреляции Бог выступает как нравственный идеал, а данный им Закон — как нравственные предписания.

По мнению автора доклада, когеновская идея корреляции получает свое дальнейшее развитие в философии Франца Розенцвейга и Эммануэля Левинаса.

Дмитриева Н.А. (Москва, МПГУ — Калининград, БФУ им. И. Канта) в своем докладе «**Герман Коген о России: взгляд из Марбурга**» обратилась к анализу малоизвестных фактов, связанных с отношением Когена к России, ее политике и культуре. Она указала на важность исследования этого аспекта когеновского мировоззрения, поскольку, по мнению некоторых исследователей творчества марбургского неокантианца (Х. Видебах, А. Пома), поездка Когена в Россию в 1914 г. способствовала изменению оснований его философско-этической концепции: если до этого когеновская этика строилась на понятиях общественного договора и любви к ближнему, то после 1914 г. их место занимает «сочувствие» (Mitleid). Каким было его отношение к России до и после поездки? Что определяло это отношение — и как последнее отражалось на его общении с учениками из России? Ответы на эти и другие вопросы должны дать ключ, необходимый для того, чтобы подтвердить или опровергнуть указанную выше гипотезу западных когеноведов. Материал для поиска ответов дают так называемые малые тексты Когена (преимущественно 1906—1916 гг.), а также эпистолярный и философская публицистика его друзей и учеников. Выясняется, что Коген внимательно следил за событиями в России, которые касались культурного, правового и политического статуса еврейского населения, однако специфика его информированности становится определенным вызовом для исследователей. Прием, оказанный ему в России разными группами интеллигенции в 1914 г., с одной стороны, вдохновил его на продолжение просветительской деятельности, а с другой — усугубил его опасения о судьбе еврейской культуры в России и укрепил в неприятии российской политической системы, что не замедлило сказаться на содержании его публичных выступлений в первый год Мировой войны. Особую главу в «русской» истории Когена составляет его отношение к ученикам из России, в которых он видел, как показала Н.А. Дмитриева, не только отражение проблем российского общества, но и мощный научный потенциал — о возможностях его реализации Коген радел до последних дней своей жизни.

Белов В.Н. (Москва, РУДН) в докладе «**Герман Коген и русская философия: к истории отношений**» попытался прояснить причины недостаточного, мягко говоря, внимания со стороны русских исследователей к философии Германа Когена.

Он отметил, что прежде всего, это — сложность текстов немецкого философа, связанная и с ориентированностью его системы на науку, прежде всего математику и математическое естествознание, и со скрупулезной работой с кантовской терминологией и логикой мысли, в то время как отечественная философия в оба

периода своего наивысшего рассвета, то есть в первой половине XIX века и на рубеже XIX—XX веков, отождествляла себя с философией культуры, ориентированной на мировоззренческие темы в широком смысле.

Также не предавала популярности и желая переводить и публиковать в стране с господствующей православной религией и религиозной философией, опирающейся на эту христианскую конфессию, тексты марбургского философа и его религиозно-философская позиция. Герман Коген не только не скрывал своей принадлежности к иудейской вере, но и активно разрабатывал проблемы философского значения еврейской религии.

Наконец, не последнюю роль играл и тот факт, что все основные произведения Когена имели большой объем, несколько раз им перерабатывались и переиздавались еще при жизни самого философа.

В докладе **Гершович У. (Иерусалим, Еврейский университет) «Герман Коген как интерпретатор Писания и Талмуда»** было указано на то, что в своем последнем произведении «Религия разума из источников иудаизма» Герман Коген выступает не только как философ, но и как интерпретатор классических еврейских источников. При этом интерпретация источников для Когена является частью философского проекта. Автор доклада критически рассмотрел немногочисленные попытки описания подхода Когена в исследовательской литературе и поставил вопрос о том, насколько инновационным является предложенное им философское осмысление источников. У. Гершович обсудил также отношение Когена к традиционной еврейской библейской экзегезе и к библейской критике, рассмотрел его концепцию перехода от мифа к эпосу в еврейских источниках и сформулировал характерные черты его подхода, проиллюстрировав их рядом примеров.

Пржиленский В.И. (Москва, МГЮА) в своем докладе «**Неокантианство в советской и постсоветской юриспруденции: жизнь под чужим именем**» попытался наметить некоторые базовые линии, по которым советская юриспруденция становилась все более и более неокантианской. По мнению автора доклада, это — логика и методология науки, онтология и аксиология. Сама структура построения теоретического знания — онтология, гносеология (логика + методология), аксиология — неорганична ни для аутентичного марксизма, ни для более позднего «ленинизма».

Автор доклада отметил также роль московского методологического кружка, реабилитировавшего неокантианскую идею методологии как особого раздела теории познания. Его основоположники А.А. Зиновьев, Г.П. Щедровицкий, Б.А. Грушин и М.К. Мамардашвили невольно способствовали появлению требования прописывать «методологические основы исследования» во введении к диссертации и в рассуждениях о «предмете и методе науки», в обязательном порядке присутствующих в начале учебного курса или учебника.

Фролова Е.А. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова) в докладе «**Неокантианская философия права П.И. Новгородцева и марксизм**» указала на то, что, анализируя доктрину Маркса, Новгородцев выделил несколько аспектов этой теории и характеризовал ее как «типичную утопию земного рая», «систему

абсолютного коллективизма», отрицающую самостоятельный смысл личного существования, «разрывающую связь человека с мировым законом добра» и не видящей в мире ничего, кроме действия материальных сил. Марксизм, по оценкам Новгородцева, не может претендовать на научное изложение идей, поскольку он (марксизм), отрицая все сверхъестественное и чудесное, в то же время предсказывает осуществление на земле абсолютного идеала, которое нельзя понять иначе, как выход из естественных условий, как «чудо всеобщего преобразования».

Тем не менее, по мнению автора доклада, это несоответствие, на которое справедливо обращает внимание русский юрист, носит, скорее, мировоззренческий характер — Новгородцев, как представитель неокантианской философии права, выступал приверженцем идеала самодостаточной, самоценной личности, не заслоняемой никакими общественными формами, в отличие от жестко детерминированной экономическими отношениями социологической доктрины Маркса.

Владимиров П.А. (Саратов, СГУ им. Н.Г. Чернышевского) в своем докладе «**Философия В.Э. Сеземана: истоки формирования теории чистого знания**» обратился к анализу творчества одного из самых значительных представителей русской неокантианской мысли — В.Э. Сеземана. Он сконцентрировал свое внимание на теории чистого знания русского философа, где явно прослеживается влияние критической философии Г. Когена. В.Э. Сеземан, как и марбургский философ, выделяет теорию познания в качестве неотъемлемой части философии, в которой следует придерживаться критического подхода.

П. Владимиров также подчеркнул, что философия В.Э. Сеземана выстраивается исходя из единой с Марбургской школой проблемы обоснования достоверных принципов познания. Наиболее отчетливо преемственность во взглядах В.Э. Сеземана выявляется в применяемой методологии и выборе области исследования, но существенное различие обнаруживается в интерпретации ключевого вопроса теории познания. Русский философ ставит вопрос не о том, как и какими способами достижимо объективное знание, а о том, что есть знание само по себе. Данный вопрос не получил однозначного ответа, и в условиях современного развития междисциплинарного знания приобретает новое качество актуальности для философии.

С жизнью и творчеством малоизвестного русского последователя марбургской школы неокантианства **А. Вейдемана** познакомила в конце работы первого дня конференции молодой исследователь **Лебедева А.В. (Москва, РУДН)**. Она отметила оригинальность и глубину его гносеологии, а также необходимость поиска и анализа работ философа, посвященных другим областям философского знания.

Второй день работы конференции открыл доклад польского исследователя **Копчух Л. (Люблин, Университет им. Марии Кюри-Склодовской)** «**Герман Коген и Николай Гартман о свободе воли и автономии: исторический и современный контекст**». В нем автор попытался реконструировать и проанализировать концепты свободной воли и автономии, предложенные Г. Когеном и Н. Гартманом. Он подчеркнул, что оба этих концепта опираются на критику

кантовского решения проблемы свободы как свободы воли. Коген, в частности, отталкивается от отождествления Кантом свободы и автономии, когда быть свободным, согласно Канту, означает быть самостоятельной причиной какого-то поведения. Коген же утверждает, что Кант неправильно понимает чувство автономии; он рассматривает субъекта деятельности как свободного и автономного человека, полагая, что мы, как субъекты морали, уже свободны. Марбургский философ, по мнению Копчуха, утверждает, что мы еще не свободны. Коген утверждает, что положение автономного «Я» двойное: «Я» является субъектом саморегулирования, и в то же время я должен быть достигнут в результате этого законодательства. То есть автономию следует воспринимать не как данность (Кант), но как заданность.

Н. Гартман, в отличие от Г. Когена, предлагает оценивать разницу между «Я», как субъектом и «Я» как объектом нравственной деятельности, в контексте разницы между позитивной и отрицательной свободой, и как раз положительная свобода означает у него автономию. В заключение своего доклада польский исследователь сделал вывод о том, что обе концепции — Когена и Гартмана — при всех их различиях указывают на существование общей неразрешимой проблемы, а именно: по-видимому, человеческая автономия содержит внутреннее противоречие.

Тремблэй Ф. (Калининград, БФУ им. И. Канта) в своем докладе «**Николай Лосский и Николай Гартман против Германа Когена и когенианства: спор о субстанции и отношении**» обратил внимание на факт поддержки Н. Гартманом позиции своего учителя в Санкт-Петербургском университете Н. Лосского по ключевым вопросам, по которым последний вступает в спор с основными представителями марбургской школы неокантианства. Один из таких вопросов — вопрос о существовании субстанции. Коген в своих работах «*Kants Theorie der Erfahrung*» (1885), «*Logik der reinen Erkenntnis*» (1902), Наторп в работе «*Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften*» (1910), а также Кассирер в «*Substanzbegriff und Funktionsbegriff*» (1910) стремятся заменить метафизику субстанции теорией отношений. В отличие от них Гартман, вслед за Лосским, утверждает, что отношения должны основываться на субстанциальных понятиях. В частности, Лосский называет идеализм марбуржцев абстрактным именно потому, что в нем нет конкретной субстанции. Гартман поддерживает в этом вопросе позицию своего русского учителя, считая, что все отношения должны, в конце концов, относиться к своему субстрату, в противном случае мы будем иметь регресс в бесконечность.

Докладчик указал также на то, что в данном конфликте мы сталкиваемся с проявлениями более широкого конфликта мировоззрений, а именно конфликта русского онтологизма и немецкого субъективизма. И, по его мнению, Гартман остается в этом конфликте в значительной степени верным русскому онтологизму, чем своим профессорам и коллегам из Марбурга.

В своем докладе **Махлин В.Л. (Москва, МПГУ)** «**Г. Коген и М. Бахтин: к истории рецепции**» обратился к решающему в философии XX века событию поворота от традиционной гносеологии к новой онтологии, в котором, по его мнению, М. Бахтин участвовал как русский мыслитель, причем участвовал совершенно своеобразно.

Это своеобразие, как подчеркнул докладчик, находит свое выражение в отношении к Г. Когену и неокантианству в целом. В исторической ситуации, когда, по словам Г.-Г. Гадамера, «неокантианство погибло в окопах первой мировой войны», М. Бахтин — в отличие, с одной стороны, от Гуссерля, Хайдеггера и др., а с другой — от «диалогических мыслителей» 1920-х годов (Ф. Розенцвейг, М. Бубер и др.) — не отказался от идеи «системы философии» Канта и Когена. В своих программных текстах Невельско-Витебского периода Бахтин, как представляется, радикально преобразовал систематический подход к бытию как событию, сохранив при этом характерную для Когена антиметафизическую направленность и, в частности, критическую позицию по отношению к романтизму и гегельянству в философской эстетике.

Катречко С.Л. (Москва, ГАУГН) в докладе «**Кантова теория опыта, трансцендентальный метод и современная наука**» напомнил о методологическом понимании Когеном трансцендентальной философии Канта. По мнению докладчика, так понимаемый трансцендентализм задает кантову теорию опыта, которая соответствует такому разделу современного философского знания как философия и методология науки. Методологическое понимание трансцендентализма трактует трансцендентальную философию не как метафизическую систему, а как метод. Герман Коген, опираясь на достижения современной ему математики и естествознания, во многом трактует трансцендентальный метод как использование метода «бесконечно малых» (инфинитезимального метода). При этом он придает принципу бесконечно-малых не столько математический, сколько метафизический смысл, связывая с бесконечно-малым первоначало сущего и его объективную реальность. Докладчик подчеркнул, что это — именно оригинальная когеновская, а не изначальная кантовская трактовка трансцендентального метода.

Катречко отметил также, что второе открытие кантовского «методологического» трансцендентализма происходит в рамках аналитической (англосаксонской) традиции во второй половине XX в., начало которому было положено работами П. Стросона, У. Селларса, Б. Страуда, И. Беннета и др. Она вносит в понимание кантовского трансцендентального метода существенные изменения и связывает с ним прежде всего трансцендентальную аргументацию (англ. *transcendental arguments*), под которой понимается тип рассуждений, используемый Кантом в аналогиях опыта и трансцендентальной дедукции категорий из «Критики чистого разума» (A84—92/B117—69, B218—66, B274—9, B811—23).

В своем докладе «**Кассирер: корректировка Когена**» **Качур И. (Иерусалим, Еврейский университет)** попыталась доказать, что в своей философии Кассирер переосмысливает фундаментальные для системы Когена понятия.

В частности, докладчик указал на то, что философия Кассирера, следуя поставленной Когеном задаче избавления процесса познания от всего, напоминающего элементы или субстанции, превзошел учителя на этом пути. Он из понятия отношения развивает понятие символа, которое становится ключевым для его философии культуры. Первичность отношения по отношению к данному элементу реальности доминирует у Кассирера в восприятии, в построении времени и про-

странства, в языке, в мифологическом и религиозном мышлении, в научном естествознании. Именно это позволяет Кассиреру показать культуру как множественность «миров» — форм, в каждой из которых действуют свои правила образования смысла, функционируют разные структуры времени и пространства. Принцип заданной цели заменяется открытостью процесса развития каждой формы духа, неопределенностью его дальнейшего развития; любая точка в нем содержит разные возможности. Этика и религия теряют то значение, что имели у Канта и Когена; религия становится частью мифологического мышления. В итоге, можно сказать, что Кассирер по отношению к Когену проделывает ту же исправительную работу, что и Коген в свое время совершил по отношению к Канту. В этом смысле философия Кассирера — это действительно продолжение программы учителя.

Корнилаев Л.Ю. (Калининград, БФУ им. И. Канта) в докладе «**Г. Коген и Э. Ласк: к вопросу о влиянии**» остановился на двух перспективах своей темы. Во-первых, пересечения идей фиксируются на уровне интерпретации критической философии Канта, во-вторых, имеются заметные сходства в предпосылках и разработке самостоятельных проектов философов, в основе которых заложена идея общей системы философии и логики чистого познания.

В своем докладе «**Влияние Германа Когена на Русское баденское неокантианство (на материале творчества Бориса Валентиновича Яковенко)**» **Сторчеус Н.В. (Рязань, РГУ)** обосновала три главных момента. Во-первых, по мнению докладчика, Герман Коген являл для Б.В. Яковенко пример строгой научности, которому тот старался следовать. Во-вторых, в области методологии Г. Коген был признанным авторитетом для русского философа. И, наконец, в-третьих, влияние Г. Когена на Б.В. Яковенко находится в рамках влияния неокантианства вообще и ограничивается признанием его заслуг в определенной сфере. В целом, пришла к выводу Сторчеус, Яковенко гораздо ближе по своим взглядам именно к баденскому неокантианству.

Нижников С.А. (Москва, РУДН) в своем докладе «**Неокантианство и науки о духе**» сделал акцент на значении баденской школой всех наук на естественные — науки о природе, и гуманитарные — «науки о духе», т.е. о человеке и человеческом обществе. При этом он подчеркнул, что разделение носит принципиальный характер, ибо у названных наук качественно разный предмет, а значит должны отличаться и методы его познания. Если «науки о природе» стремятся познать истину, то «науки о духе» — осознать и создать ценности.

Сравнить философские концепции двух друзей и коллег М. Кагана и М. Бахтина попытался **Кораев Г.Т. (Калининград, БФУ им. И. Канта)** в своем докладе «**Философия истории М. Кагана и первая философия М. Бахтина: сходства и расхождения**». Прежде всего он указал на то, что как Бахтин, так и Каган считали решающим для своего становления философию неокантианства. Каган, который сам являлся неокантианцем, в своих философских трудах прямо использовал язык и методы неокантианства. Бахтин также отдавал неокантианству должное.

Докладчик отметил то, что философские проекты Кагана и Бахтина имели общую цель — построить философию действительного бытия. Для Кагана такой философией выступала философия история, для Бахтина — первая философия. Кагану и Бахтину в их философии были важны категории открытости и незавершенности бытия, тема причастности бытию, понятие личность для обоих играло важную роль для построения философии.

Также Кораев остановился и на расхождении двух философов и их проектов. Эти расхождения в первую очередь связаны с методами работы, которые предпочитали философы. Каган работал по-неокантиански — он конструировал понятия о мире, систематически прочерчивал их связи. Бахтин же избрал путь феноменологического исследования — конструированию понятий он предпочитал анализ и описание переживаемого мира.

Попов Д.Н. (Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова) в своем докладе «**Актуальность идей Г. Когена в разрешении проблемы „непонятого Гуссерля“**» обратил внимание на то, что исследователи реализации феноменологического подхода в философии образования сталкиваются с проблемой «непонятого Гуссерля» (Н.В. Мотрошилова, В.Б. Сокол). Также как Г. Коген увидел необходимость актуализации идеи И. Канта, которые были раскритикованы и отвергнуты как заблуждения, обнаружилась необходимость актуализации некоторых идей Э. Гуссерля (интенциональности, трансцендентальной intersубъективности, феноменологической редукции). Особенно интересно, отметил докладчик, что между этими идеями прослеживаются параллели актуальные для практического использования идей Гуссерля в современной феноменологической традиции.

© Белов В.Н., Петров В.Б., Лебедева А.В., 2018

DOI: 10.22363/2313-2302-2018-22-4-499-508

THE INTERNATIONAL CONFERENCE HERMAN COHEN IN THE HISTORY OF RUSSIAN PHILOSOPHY

V.N. Belov, V.B. Petrov, A.V. Lebedeva

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya Str., 6 Moscow, Russian Federation 117198

Для цитирования:

Белов В.Н., Петров В.Б., Лебедева А.В. Обзор международной конференции «Герман Коген в истории русской философии» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2018. Т. 22. № 4. С. 499—508. doi: 10.22363/2313-2302-2018-22-4-499-508.

For citation:

Belov V.N., Petrov V.B., Lebedeva A.V. The International Conference “Herman Cohen in the History of Russian Philosophy”. *RUDN Journal of Philosophy*. 2018; 22 (4):499—508. doi: 10.22363/2313-2302-2018-22-4-499-508.

Сведения об авторе:

Белов Владимир Николаевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания Российского университета дружбы народов (e-mail: belovvn@rambler.ru).

Петров Василий Борисович — кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания Российского университета дружбы народов (e-mail: petrov_vb@pfur.ru).

Лебедева Анастасия Владимировна — студентка магистратуры по направлению «Философия. Знание и ценности: трансформации в изменяющемся мире» Российского университета дружбы народов (e-mail: belovvn@rambler.ru).